

С ОСКОЛКОМ В СЕРДЦЕ

Шесть директоров сменилось в школе за время его работы военруком, но дети не отпускают учителя-ветерана Степана Колесниченко

ЧЕСТНО – очень удивился, когда узнал, что в нашем городе есть ветеран Великой Отечественной, который до сих пор работает – военруком в школе № 26. Отдать тридцать два года военной службе, а на гражданке почти столько же детям – не каждому по силам. Но человек с осколком в сердце по-другому не может.

Родился Степан Федорович в поселке Советском Акбулакского района Чкаловской, ныне Оренбургской, области в декабре 1926 года. В семье Федора Никифоровича и Ульяны Степановны было пятеро детей, Степа родился в аккурат по рождение – третьим. Неграмотная мать с раннего детства привила троих сыновей и двух дочек к работе, контролировала их учебу. Бюджет семьи зависел от отца – главного бухгалтера машинотракторной станции.

После школы Степан Федорович поступает на курсы водителей. И вот – долгожданные восемнадцать лет, пора отдавать долг Родине. Так получилось, что с этим долгом Степан и его школьные товарищи Федор Абренский и Виктор Прокскури решили повременить на день. Ребят за это в комиссариате поиздирнули и вместо школы подготовки танкистов в Борисоглебске направили в пехоту, в Алкинские лагеря под Уфой, где находился сборный пункт запасных бригад по подготовке для отправки на фронт. А как хотелось быть танкистом! Но из-за залопочной оплошности мечта так и осталась мечтой.

В лагере друзей-школьников распределили в разные полки. Первое, что сделали с новобранцами, – переодели в рваное, штапаное-перештопаное тряпье. Новички догадывались, что эта одежда либо с ранеными, либо с убитыми. Но что делать? Жить пришлось в подземных бараках, внутри которых распологались трехъярусные кровати. Четыре месяца солдаты не знали, что такое матрац и подушка. И только когда погода дала добро на тепло, их перевели в палаточный городок, где все, наконец, нормально выпадали: выдали матрацы, одеяла, дали новое обмундирование. На тактическую и гравюру подготовку гоняли за восемь километров от места. Пешком строевым шагом с песнями – без них никак.

Что касается питания, то оно было просто отвратительным: пачка хлеба – 150 граммов – на весь день, суп – куриница кропинку догоняет, картошка – мерзкая, черная, сладкая на вкус и каша – одна-две ложки. Новобранцев так называли – дистрофики.

Но в палатах Степану с товарищами жить долго не при-

Отдать тридцать два года военной службе, а на гражданке почти столько же детям – не каждому под силу

шлось. Под утро подняли по тревоге, на станции Алкино загрузили в товарный эшелон, по «зеленой улице» через Москву – на фронт.

В Москве «дистрофики» прошли санобработку, в столовой впервые поели досыта. А под вечер опять в заложен и – на 2-й Прибалтийский фронт, на передний край. Там и получил Степан Федорович первое боевое крещение под бомбами немецкой авиации. Зениты быт, а самолетам хоть бы хны: посыпали какими-то мелкими гранатами и улетели. Колесниченко впервые увидел и убитых, и раненых.

Вскоре Степана Федоровича назначили командиром расчета противотанковых орудий и вместе с помощником определили в 122-й полк. Дней десять в затишье. Солдаты плели заграждения из лозы и коры. Называли это пleteniyem. Ночью заграждения ставили на открытых участках, чтобы наши войска

имели возможность для маневра. Как только немец видел эту стену из плетней, мимолетным огнем тут же ее уничтожал. Вся работа, в общем, наスマрку. Приходилось все повторять.

В середине мая началось наступление с целью прорвать оборону противника. Захлебнулся. Резерв Колесниченко послан на передний край занять оборону. Прибыли – на передний край – заняли место, где решали заночевать. Послал Степан помощнику за оставленными шинелями, а тих нет – трофейная команда постаралась. Чтобы согреться ночью, снимали шинели с убитых, и раненых.

Утром старшина разбралась из котелка кашу по мискам. Поели – вновь в наступление. Шли по незаминированному «коридорчику». Впереди Колесниченко медленно двигался пожилой боевик. Степан его и обогнал. И вдруг позади взрыв. Чувствует Степан, как что-то его в бок стукнуло. Упал, а рядом – тот пожилой боевик с оторванной головой.

Ползком, скрючившись, добрался до медбатальона. Посмотрели медики раненого – и не стали делать операцию: осколок оказался совсем рядом с сердцем. Сделали укол и сонно отправили в госпиталь для тяжелораненых, где целый месяц делали уколы и вели наблюдение за его состоянием.

Совсем недавно на медкомиссии проверили ветерана с помощью рентгена – осколок уже зарос. Степану Федоровичу николько не мешает эта «келезяка». До сих пор майор Колесниченко занимается спортом: каждый год на лыжах проходит триста километров за сезон, а летом катается на велосипеде.

Но вернемся в прошлое. После войны хотел Степан Федорович уволиться: надо бы хоть технику закончить. Не пустили. В 1953 году, будучи по дедам в Москве, познакомился с девушки Зиной – это была любовь с первого взгляда. Степан Федорович увез молодую жену

в Польшу, где служил командиром взвода по подготовке авиационных специалистов. Потом были Стерлитамак, Дальний Восток, где в 1974 году ушла из жизни Зинаида Сергеевна. Но жизнь продолжилась в детях, внучках, которых воспитывал с новой подругой жизни Ниной Ивановой.

По выслуге лет уехал в Магнитку, где жили родственники супруги. На пенсии затосковал Степан Федорович по работе, пришел в военкомат проситься в какую-нибудь школу военруком. Так 13 сентября 1976 года он попал в 26-ю, где и сегодня преподает ОБЖ – основы безопасности жизнедеятельности. Шесть директоров сменилось за время его работы, тридцать выпускников. Но главное – нет усталости, да и дети не отпускают. Может, молодежь сегодня и стала самоуверенной, но панцы его всегда слушают, а не только прислушиваются.

ИЛЬЯ МОСКОВЕЦ

ПОРТРЕТ

Сады и мемуары Гарри Винса

Гарри Винс живет в Магнитогорске с начала пятидесятых годов прошлого века. Он заядлый садовод-любитель, настоящий исследователь, мичуринец. Каждое растение в его саду проходит этапы изучения и эксперимента и уже потом – обильного плодоношения. Ветерану восемьдесят, но стариком этого человека назвать ни у кого язык не повернется: он полон энергии и планов на будущее, уже несколько лет пишет воспоминания о пережитом в трудные годы.

А вспоминать есть что. Он родился на Кавказе в интернациональной среде, но осенью 1941 года в пятнадцать лет оказался в Сибири в ссылке. Шестнадцатилетним панцером как « опасного по национальному признаку» его мобилизовали в трудинеро – «рабочие колонии» – и поместили в ГУЛАГовский концлагерь, отлучавшийся от фашистского лагеря отсутствием крематория.

Пишет наш ветеран живым языком. Его воспоминания уже публикуют газеты и сборники Магнитогорского центра национальных культур. Он даже стал лауреатом первого литературного конкурса, проведенного в честь 10-летия МДНК.

Несмотря на пережитое, Гарри Петрович не потерял оптимизма, жизнелюбия и веры в людей. И в своих воспоминаниях он не перестает благодарить судьбу за то, что на пути ему попадались порядочные люди, благодаря которым он и выжил.

В его воспоминаниях есть такие строки: «В нашей «диверсионной группе», за старшего в 1941 году во время высылки был девушка, которую стукнула 82 года, но у главной была, конечно, мама. Мне было 15, брату – 11, к тому же, брат неизлечимо болел, они с девушкой нуждались в постельном режиме, «... долги везли в товарняке через Среднюю Азию, Казахстан, Сибирь. В Омске мы лишились девушек. Его вынесли из вагона, а поезд тронулся...» «Я попал в бригаду грузчиков бревен на кузовные машины. Вся бригада состояла из панцов 15–16 лет...» «Было среди нас много фронтовиков, воевавших до глубокой осени 41-го, когда их «изызали» из рядов защитников Отечества за их национальную принадлежность. Некоторые были в очень высоких чинах...»

Гарри Петрович долгие годы трудился на предприятиях города, на швейной фабрике прошел путь от мастера до старшего инженера отдела техники безопасности. С 1991 года он активно участвует в общественной жизни: стоит у истоков создания в городе общества немецкой культуры, является членом его правления.

Наш ветеран – частый гость на мероприятиях центра национальных культур и, особенно, в центре немецкой культуры, где он делится своим знанием народных традиций, обычая, воспоминаниями.

ВИКТОР ГРИНИМАЕР

История учит, какие ошибки нам предстоит совершить.

ЛОРЕНС ПИТЕР

НЕСКОЛЬКО СТРОК О ЛЮБВИ

На строительство Магнитки прибывали не только энтузиасты, но и семьи спецпереселенцев

МНОГОЧИСЛЕННЫЕ ХВОРИ, ПРИОБРЕТИННЫЕ ЗА ДОЛГУЮ НЕЛЕГКУЮ ЖИЗНЬ, ПРИВЕЛИ МЕНЯ КАК-ТО НА БОЛЬНИЧНУЮ КОЙКУ ТРЕТЬЕГО ТЕРАПЕВТИЧЕСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ «ОБЪЕДИНЕННОЙ МЕДСАНЧАСТИ ГОРОДА И КОМБИНАТА».

ЗДЕСЬ Я НЕОЖИДАННО ВСТРЕТИЛСЯ С ДАВНИМ ДРУГОМ И РОВЕСНИКОМ ЕВГЕНИЕМ КАВИНСКИМ. И ПОШЛА ЧЕРЕДА ВОСПОМИНАНИЙ О ДАВНИХ СОБЫТИЯХ НАШЕГО «СЧАСТИЧНОГО» ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКОГО ЖИТЬЯ.

Вспомнили, как наши семьи строем пришли на станцию Арск – кого пинком, кого шлепком загнали, как сельдь в бочку, в товарный вагон, заперли наглухо двери и повезли неведомо куда... Лето, жара. По дороге изредка открывали двери, чтобы убрать трупы и подливать воды в бачки. На окнах решетки, в полу отверстие со вставляемым в него котелком, намертво прибиты к доскам: «очки» для отправления естественных нужд. Прошло больше 70-ти лет, а я до сих пор помню, как мы стояли к нему в очередь. Пытка, какой врагу не пожелаешь!..

Привезли нас в какое-то поле, быстрыно вытолкнули из вагонов и повели в степь к полуостроенным баракам. Внутри них стояли подобие нар и печи-плиты, которые не горели, но зато нещадно дымили... А потом нас, детьвору, переписали, построили и повели через речку по шаткому мостику показывать

хоз Шамиль-абый. Уже после выпускного вечера пришли за Хасаном Миннихановым. Он, правда, отсидев пологий срок, вновь приехал в Магнитку и работал в тресте «Магнитстрой» организатором по спорту... И все же, несмотря на суровость времени, мы верили в лучшее – строили далеко идущие планы, мечтали продолжить учебу в институтах, получить дипломы. Год нашего прощания со школой совпал с юбилейной пушкинской датой – 140 летним со дня рождения поэта. Когда на слетах в том памятном 1939-м наша любимая «русская» Диля-апа читала отрывки из «Дубровского», в зале стояла удивительная тишина, а у старшеклассниц на глаза наворачивались слезы и начинал дрожать голос. А когда в исполнении учительницы татарского языка Хадичи-апы звучали поэмы «Шураз» Гайдулы Тукая – «старатского Пушкина», как называют его литераторы, мы все испытывали непрерываемое чувство причастности к величанию наследию прошлого...»

Однако человек предполагает, а Бог распорягает – жизнь нашу круто изменила Великая Отечественная война. Судьба разбросала нас по городам и весям... Многие из бывших однокашников ушли на фронт, но большинство, окончив школы ФЗО и ремесленные училища, оставались ковать победу в родной Магнитке – в цехах ее комбината... Уже после войны стали уважаемыми специалистами выпускники школы № 19 Иван Шулаев, работавший в Мин-

фото из семейного архива

Одноклассники-однокашники: Мидхат Ялаков (слева), Фатых Зарипов и Заки Миниахметов. 1944 г.

чермете СССР, Хасип Макшуков и Мидхат Ялаков, назначенные управляемы Сибайским и Миндякским руководителями. Имагил Хайрулдин подразделениями на МКЗ. А Назия Бареева стала ведущим кружком медсанчасти комбината. Ее искусствами руками были спасены многие жизни магнитогорцев... Я очень горд, что дорога к знаниям,

открывшаяся перед нами когда-то в стенах школы, построенной для детей спецпереселенцев, поныне ведет мое поколение по жизни, помогает преодолевать трудности и недуги. А ведь нам уже за 80! Спасибо, родная школа, за путевку в жизнь, за все то, что было, что поселяли в наши души!..

ФАТЫХ ЗАРИПОВ, ветеран Магнитки,

почетный пенсионер ОАО «ММК».

Печать на детстве

Судьбы

МАЛЬЦОМ, ОСТАВШИСЬ БЕЗ ОТЦА, я с мамой прибыл в Магнитогорск. Жили на левом берегу, на 5-м участке в крохотной комнатке. В судьбоносном 1941-м пошел в первый класс. Жестокая война – суровая печать на моем детстве, как и на детстве всей детьмиры той супровой поры.

Первый день войны. Воскресенье. Дневной сеанс в кинотеатре «Магнит». Смотрели фильм-сказку о Василисе Прекрасной и Кащеем Бессмертным. Вдруг кино прерывается, зажигается свет, и мужчина в строгом черном костюме, подойдя к экрану, объявляет: «Война». Помню, 16–17-летние подростки под рев и слезы матерей рванули в военкомат проситься добровольцами на фронт. Не все из тех ребят вернулись с войны.

Запомнилось голодное военное время: как его позабудешь. Мама моя, Козлова Валентина, работала в чугунолитейном цехе по 12 часов в сутки. Медалью военных лет «За трудовое отличие» она гордилась до последних дней. По карточкам ее дневная норма – 800 граммов хлеба, мне полагалась триста. В памяти – эпизод, когда перед сном я обнаружил под подушкой подсохший кусок хлебной мякши, который сам же от себя и спрятал, чтобы враз не слопать, и забывшись во дворе, забыл съесть его днем. Это была радость!

Год 1945-й, конец войны, а 15 декабря 1945-го отменили продовольственные карточки. С питанием еще некоторые проблемы, но голодающие дни навсегда ушли в прошлое.

Окончив в 1949-м школу, поступил в престижный в те годы Магнитогорский индустриальный техникум. После техникума призвали в армию. Служил в пропавшейся в Чкаловске в Оренбургской и Куйбышевской областях. Четыре деревни перед учениями переселили в специально построенные благоустроенные поселки – попадали они в планируемую зону поражения.

В тот памятный день была солнечная ветреная погода. Наша рота заняла исходную позицию на склоне лесистого холма в окопе. Экипировка – атомный вариант: резиновые костюмы, спецодежда поверх обуви, в противогазах с затемняющими пленками на стеклах. Лишь пробил назначенный час, все вокруг преобразилось: и небо, и лес, и земля побелели. Земля под ногами слегка содрогнулась. Бомба, сброшенная с самолета, взорвалась в назначенней точке на высоте четырехсот метров над землей. Ядерная вспышка – километрах в пяти-шести от нас. Затем – оглушительный треск, схожий с тем, что бывает в грозу, когда молния ударит рядом, и – долгие, протяжные, постепенно стихающие раскаты грома. Несколько секунд все смотрелись белым пятном, только что красавица лесистые холмы заполыхали, а до сего голубое и красивое небо с блестящими перистыми облаками затянулось серо-синим дымом. Впереди, отчего-то отделяясь от окружающего, величественно поднималась желто-молочного цвета шар, к которому с земли тянулся шлейф пыли и дыма, создавая призрак гигантского гриба. Постепенно «гриб» разросся до исполнительских размеров,